

Наринэ Абгарян

ПОНАЕХАВШАЯ¹

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Ты только не думай, у меня все в порядке. Устроилась на работу в «Интурист», ничего пока не умею. Приняла у клиента пять долларов, рубли отдала как за десять. Недостачу вычтут из зарплаты. Кругом много иностранцев, и проституток тоже много. Зато коллектив хороший. Учат меня матом ругаться, но я не поддаюсь. Совмещать работу с учебой не очень получается, придется, наверное, уходить из университета. Пока раздумываю. Маме с папой ничего об этом не рассказывай. Ну, про универ, про мат и проституток. И про недостачу не говори. Скажи, что я в банке работаю, и что все у меня хорошо.

А вообще, знаешь, что я хочу тебе сказать? За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами.

Москва меня, кажется, приняла».

«Интурист» оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и за пределами ценами на сервис. Верхние этажи сдавались под офисы и рестораны, фойе было забито мелкими ларьками, торгующими сувенирами а-ля рюс. Там непреклонному в своем желании познать

---

¹ Из одноименной книги.

загадочную русскую душу интуристу предлагались матрешки, ушанки, водка, икра, хохлома и прочая гжель. А также самовары, балалайки, расписные деревянные ложки, разновсякие псевдофаберже и даже баян. Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои меха и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное. Баян с готовностью выдавал леденящие душу импровизации, распугивая приезжий народ на многие мили вокруг.

Справа от павильонов и зимнего сада раскинулся большой магазин-салон «Русские меха». Девочки из «Мехов» считали себя чуть ли не небожителями — еще бы, предлагать клиентам шубы за двадцать тысяч долларов не каждой смертной доверят. Они порхали по внешнему периметру салона мелкими стайками, зябко кутались в элитные меха, подвернув болтающийся ценник куда-то в рукав или под воротник. Щебетали исключительно на странной смеси иностранных языков — щеголяли знаниями. Правда, эти знания им были совершенно ни к чему — основной клиентурой салона являлась «братва» в малиновых пиджаках. «Братва» умела вежливо сказать «принеси-подай» и «курва». Девочки безропотно обслуживали маргинальных покупателей, а потом полдня ходили с трагической гримасой поперек лица — переваривали обращение «слышь, волосатая мездра».

По просторному фойе с грозной и озабоченной миной сновала бравая, закованная в униформу

охрана. Вид охрана имела устрашающий — квадратные челюсти, короткие стрижки, шипящие на выдохе рации, убедительно выпирающая из-под пиджака кобура. Только вместо оружия в кобуре хранились заботливо нарезанные бутерброды и всякая другая мелкая трапеза. Поэтому, когда спустя какое-то время в гостинице случилось ограбление, охрана вперед постояльцев рванула прятаться — дураков нет: безоружным лезть на рожон.

За окаймленным сувенирными лавочками зимним садом расположилось большое казино. В те времена игорные дома были в новинку, поэтому клиентура была весьма разнообразной — от простых обывателей и даже пенсионеров, пришедших разочек попытать счастья, до ценителей жанра и даже лудоманов. Работники «Интуриста» в казино не заглядывали — там творились странные дела, выигрыши случались крайне редко, а если и случались, то только крупные и у «крыши». По гостинице ходили систематические слухи, как «на той неделе буквально на минуточку заглянул некий криминальный авторитет, сделал минимальную ставку, сорвал банк в пятьдесят тысяч долларов и уехал прочь, а владелец казино ползал за ним чуть ли не на карачках и рвался подобострастно облобызывать ему ботинки».

Особой достопримечательностью «Интуриста» считались жрицы любви (в гостинице их принято было называть «валютными девочками»). Если днем они старались не попадаться на глаза, то ближе к вечеру высыпали разномастными группками и, призывно вихляя бедрами и другими формами, прогуливались по фойе — предлагали встречным свои услуги. Верховодила ими крикливая хромоногая сутенерша Вера — она неустанно контролировала каждый шаг своих подопечных, строго следила, чтобы они не напивались до положения риз и не дебоширили.

По ходу рабочей ночи жрицы заметно теряли товарный вид — растоптанный макияж, пошатывающаяся полупьяная походка, квелые прелести. Наблюдать за ними было страшно и больно — это была та темная сторона жизни, от которой хотелось держаться как можно дальше.

Впрочем, своим образом жизни жрицы любви не особо тяготились и уходили из профессии если и планировали, то только вперед ногами.

Вот в такой нервной обстановке и предстояло работать кассиршам обменника. Какое-то время, недели две, а может, и три, девочки находились в полной прострации — сцепив зубы, меняли валюту, стараясь не шибко ошибаться в расчетах. Спустя несколько часов сосредоточенной работы внимание притуплялось до такой степени, что все купюры казались на одно лицо.

Сведение кассы выливалось в сплошную трагедию — девушки регулярно недосчитывались денег. Если иностранцы в незнакомых купюрах не разбирались, поэтому пересдач просто не замечали, то абorigены старались смыться до того, как нерадивая кассирша спохватится и поднимет вселенский вой.

По итогам первого месяца работы буквально все девочки из-за допущенных ошибок вышли в ноль, а некоторые умудрились остаться в должниках. Интуристовские работники настороженно наблюдали за новичками, попыток сближения не предпринимали. Но потом, удостоверившись, что девочки обосновались в гостинице надолго, решили проверить их на вшивость и отправили к ним одного из носильщиков с кипой валютной мелочи. Кассирши безропотно обменяли двадцать однодолларовых ветхих купюр на одну новенькую и хрустящую, чем навсегда снискали расположение гостиничных коллег.

Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и «Интурист» повернулся к девочкам лицом.

* * *

Однажды в обменном пункте случилось ограбление. Повезло на такой воистину экстрим Понаехавшей.

— Здрасьти, это ограбление,— представился грабитель и для пущей убедительности просунул в окно пистолет. У пистолета было темное, несколько приплюснутое с боков дуло.

— Прахадити, гости дарахие,— всколыхнулась Понаехавшая.

Грабитель тут же ворвался в обменник и принялся шуровать в ящичках. Наша горе-героиня забилась в угол и какое-то время в ступоре наблюдала, как непрошенный гость выворачивает содержимое сейфов наружу. Потом очнулась, нашарила рукой куртку с сумкой. Тихо прокралась к двери.

— Ну, я пошла? — зачем-то спросила.

— Иди,— смилостивился грабитель.

Понаехавшая выскользнула из обменника и, дабы не злить грабителя суетливыми телодвижениями, пошла шагом от бедра в сторону лифтового холла. Там она незамедлительно была положена попятившейся охраной сначала мордой в пол, а потом, когда разобрались, что это вовсе не преступник, а работник «Интуриста», затолкнута в лифт и хаотично отправлена на семнадцатый этаж.

С семнадцатого этажа Понаехавшая телефонировала в банк и радостно отрапортовала, что вместе с курткой вынесла инкассаторскую сумку, пусть, мол, банк не волнуется, грабителю достанется самая малость.

* * *

День ограбления выдался невероятно сумбурным. Сначала на место происшествия нагрянула бригада скорой помощи. Оказалось, пока Понаехавшая находилась на семнадцатом этаже, в обменник ворвался начальник охраны Сергей Владимирович по кличке Дровосек и попытался посредством голы рации остановить вооруженного преступника. Грабитель, несколько обескураженный героизмом Сергея Владимировича, на долю секунды растерялся, но потом взял себя в руки, прострелил бравому начальнику охраны ногу и, не теряя времени, был таков. Уходил через нижние этажи и служебные помещения, нагоняя страх на сотрудников гостиницы вытаращенным дулом пистолета.

И теперь Сергей Владимирович истекал кровью, лежа вперемешку со скарбом для обмена валюты на полу, и виртуозно матерился в передвинутый для проветривания фанерный потолок. К счастью, он легко отделался — пуля, не задев кость, прошла навывлет и застряла в ковролине. Охранники, виновато сопя, облепили обменник со всех сторон. После того как врач скорой помощи вколол Сергею Владимировичу обезболивающее и наложил на рану повязку, они с почестями отнесли своего начальника в машину. Нервно курили вслед, смахивая колючую мужскую слезу.

Затем приехало телевидение, и звезде дня Понаехавшей пришлось бубнить невнятное в микрофон, протянутый юркой, густо накрашенной девицей.

— Сегодня в самом центре столицы, недалеко от Кремля, случилось беспрецедентное по своей наглости ограбление! — прицельно выкрикивала девица в камеру оператора. — Мы сейчас разгова-

риваем с жертвой ограбления, кассиром обменного пункта банка «Золотой век»...

— Не надо рекламы, — промычал увешанный проводами оператор.

— Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления...

— Вообще-то я не жертва, — обиделась Понаехавшая.

— А кто?

— Очевидица.

— Мы сейчас разговариваем с очевидицей ограбления, кассиршей обменного пункта... извините, как вас зовут?

Понаехавшая назвалась. Девушка кивнула. И бойко продолжила репортаж, безбожно перевирая имя и фамилию Понаехавшей каждый раз на новый лад. Ни разу не повторилась!

— В вашем обменном пункте убиты люди! — тыкала микрофоном в лицо репортерша.

— Ранен начальник охраны.

— Смертельно? — оживилась журналистка.

— Не смертельно.

— Ну, это мы еще посмотрим, — не сдавалась репортерша. — Сколько было грабителей? Говорят, что на вас напала целая банда! Они вам угрожали? Может, насильовали? Напугали до смерти? Ранили? Пытали? Ранили и пытали?

По ходу репортажа подтягивались новые журналисты, они лезли в нос круглыми диктофонами и другими записывающими устройствами, щелкали фотоаппаратами и наперебой сыпали вопросами.

Понаехавшая откровенно страдала. Уворачивалась от фотоаппаратов, делала горестное лицо. К счастью, вскорости подоспели оперативники с Петровки и отогнали прочь всполошенную телевизионную братию.

Следом подъехали банковские работники, впереди летела начальница Понаехавшей, с недокрашенным глазом и большим темным пятном на юбке, — накладывала макияж и пила кофе, да так и подорвалась, поднятая тревогой, опрокидывая на себя все, что было под рукой.

Пока она ощупывала подчиненную на предмет повреждений, оперативники споро обсыпали обменник специальным порошком, сняли все отпечатки и опечатали помещение. Потом загнали случившихся на пути грабителя работников «Интуриста» в машины и повезли на Петровку — брать свидетельские показания и составлять фоторобот.

— Вся надежда на вас, — твердили они, — потому что, если это какой-нибудь залетный преступник, очень сложно будет его без фоторобота поймать. Поэтому мы сейчас разобьем вас на группы по два человека и будем составлять его портрет. А потом сверим полученные данные и придем к общему знаменателю.

До позднего вечера восемь групп очевидцев ограбления, напряженно восстанавливая в памяти цепь событий, нашептывали оперативникам приметы преступника. Сильно расстраивалась работница гостиничной химчистки — когда преступник пробежал мимо, она возилась с бельем, поэтому ничего, кроме топота ног, изобразить не могла.

На выходе у следователей получилось восемь диаметрально противоположных по внешности фотороботов. Настолько противоположных, что прийти к общему знаменателю не представлялось возможным.

Попытка как-нибудь сблизить версии чуть не привела к мордобою: одни очевидцы утверждали, что это был высокий темноусый кавказец, другие — что гыкающий житель Ставрополя, а может, даже Укра-

ины, но обязательно голубоглазый и светлокудрый. Третьи были убеждены, что это был маленький щедушный азиат, потому что характерный разрез глаз и вообще.

Единственное, в чем сошлись все свидетели ограбления, это пол грабителя. Но по одному только полу найти преступника очень сложно. Даже если у тебя под рукой восемь принципиально противоречащих друг другу его портретов.

Конечно же, дело заглохло.

Сергей Владимирович вскорости поправился и с триумфом вернулся на работу.

Интуристовское начальство подсуетилось и наконец-то вооружило охрану.

На этой почве в гостинице более не случалось никаких ограблений.

Зато хранить бутерброды теперь стало категорически негде.

Марина Нугманова

РАДИ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

Странный парень совершенно не был похож на бандита. Его выдавали кроссовки. Это были яркие чешские «ботасы» с широкими красными полосками по бокам и синим кантом вдоль округлых мысков. Рисунок на обуви своей пестротой напоминал Инге аппликации ее маленькой дочки, где она часто без всякого смысла склеивала между собой кусочки разноцветной бумаги — лишь потому, что это было красиво.

Инга еще раз внимательно посмотрела на кроссовки и перевела взгляд на лицо их обладателя. Оно, как всегда, выражало дружелюбие — даже не верилось, что бандит снова пришел в видеосалон за денежной данью. Инга присела к отполированному до блеска, отливающему медовой патокой письменному столу и вытащила из ящика пухлый белый конверт.

— Руководство в отъезде, вот деньги. Пересчитывать будешь? — тихо спросила она.

— Нет. — Молодой человек взял конверт из ее рук и убрал во внутренний карман черной кожаной куртки. — Леха у нас бригадир, пусть он и пересчитывает. А я в бухгалтеры не нанимался. — Он усмехнулся и оперся руками о стол. — Что сегодня пока-

зывают? — заговорщически спросил он, нависая над девушкой.

— Тебе, Семен, не понравится, — произнесла Инга и отстранилась.

Ее лицо вспыхнуло, и она инстинктивно прикоснулась тыльной стороной ладони к щеке, пытаясь понять, насколько ярко пылает румянец.

— Опять, что ли, комедию? — Семен пристально уставился девушке в глаза.

Инга опустила взгляд и неловко убрала за ухо выбившуюся из хвостика прядь светло-русых волос. Но та, спружинив, снова упала на глаза.

— Да, комедию, — кивнула Инга. — «Кто подставил кролика Роджера».

— Ой, да это же мультяшки... — Семен широко улыбнулся, поднес руку к ее лицу и аккуратно заправил выбившуюся прядь обратно за ухо. — Никогда не любил мультяшки и комедии. Мой батя говорил, что это для слабаков, а боксеры должны смотреть только боевики. — Он резко выпрямился, сложил руки на груди и перестал улыбаться.

Инга окинула его внимательным взглядом. На голове ежик коротко стриженных волос, из-под ворота кожаной куртки выглядывает синяя адидасовская олимпийка, сбитую костяшку мизинца на средней фаланге подпирает золотая печатка. Словом, бандит как бандит, только вот кроссовки...

— Слушай, Семен, а ты не хочешь хоть краем глаза сам посмотреть этот мультик? — неожиданно предложила она.

— Кто, я? Мультяшки? Инга, да ты что? Меня же ребята засмеют. — Он снова широко улыбнулся и потрогал челюсть пальцами, как будто проверяя, на месте она или нет.

Инга подумала, что у него это рефлекторное — когда тебя часто бьют на ринге в лицо, ты невольно

начинаешь постоянно о нем беспокоиться. Она решительно встала.

— Пойдем! — требовательным тоном произнесла она и взяла его за руку.

Семен растерянно на нее посмотрел, но позволил себя отвести. Он двигался следом за девушкой медленными семенящими шагами, чуть сгибая ноги в коленях. Когда парень начал загребать ступнями ворсистый ковролин на полу, Инга удивленно на него посмотрела.

— Боюсь отдавить тебе пятки, — виновато прокомментировал он. — Я хоть и спортсмен, но с тобой всегда неуклюжий медведь. — Семен усмехнулся.

Девушка слегка улыбнулась и покачала головой. Они приблизились к двери «зрительного зала».

— Там есть администраторский стул, он пустой, — тихо произнесла Инга. — Я тебя очень прошу, садись и попробуй посмотреть хоть кусочек фильма.

Она открыла дверь и предложила Семену войти. Он так и поступил.

В небольшой комнате был полумрак. Зрители сидели на расставленных рядами стульях. В самом верху центральной стены на закрепленной кронштейнами двухъярусной полке располагался современный ламповый телевизор, под ним стоял видеомагнитофон. Свет от экрана падал на переднюю панель «видака», и Семен восторженно присвистнул: «Надо же, Panasonic, не какая-нибудь там “Электроника”». Сейчас на такое богатство можно было обменять квартиру или, например, его родную «девятку». Семен уважительно цокнул языком и, усевшись на свободный стул, начал смотреть фильм. На экране рисованный кролик пытался заключить в жаркие объятия мрачного сопротивляющегося мужика в потертом костюме и широкополой шляпе. Когда ему

это удалось, недовольный тип расплылся в теплой улыбке. Семен тоже повеселел.

* * *

— Сема, ты просто одержимый! — Инга оторвала «контроль» на билете и протянула серо-голубую бумажку молодому человеку. — Ты пересмотрел у нас уже все, что только может вызвать улыбку.

Девушка закинула ногу на ногу и оттянула вниз длинный сиреневый свитер. Он почти до середины прикрыл обтянутые цветастыми лосинами бедра. Инга поправила широкий эластичный пояс на талии и оперлась локтями о стол.

— Я пересмотрел все по тому списку, что ты мне составила, — Семен взял билетик и засунул его в карман тренировочных штанов. — Что сегодня показывают? Я забыл.

Он уселся напротив Инги с другой стороны стола и пристально посмотрел на девушку.

— Вот! Ты даже не знаешь, что собираешься смотреть, — смеясь, воскликнула она. — И к тому же все время покупаешь билеты, хотя я могла бы посадить тебя просто так. А показывают «Моя мачеха — инопланетянка».

Инга снова засмеялась и вытащила из сумки корбочку с тушью-плевалкой. Обильно смочив слюной содержимое и посматривая в зеркало маленькой изящной пудреницы, она принялась красить глаза. Черная краска густо ложилась на ресницы и, чтобы разлепить их, Инга время от времени пользовалась иголкой.

— Я покупаю билеты потому, что ты с этого имеешь процент. — Семен внимательно наблюдал за ней. — Послушай, давай я подарю тебе тушь от Кардена — знаешь, такая, в тубике? Все хвалят. Хочешь?